

УДК 304.2/316.722

ИННОВАЦИЯ И РАЗРУШЕНИЕ ОПЫТА В ПРЕФИГУРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЕ

Т. В. ЗАЙДАЛЬ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются специфическая для модерна проблема обеднения (деструкции) опыта, ее связь с растущей скоростью изменения жизненных условий и устареванием культурных элементов. Разрушение опыта как маски взрослого обусловило рождение нового опыта, обеспечиваемого технологиями и системами коммуникации. Механизмы инновации и повторения выступают в качестве компенсации неопределенности, защитной реакции на неопределенность. Доказывается, что разрушение опыта, а также инфантильность массовой урбанизированной культуры, стремящейся продолжить детский опыт повторения во взрослом возрасте, во многом определили появление культуры префигуративного типа.

Ключевые слова: опыт; повторение; инновация; разрушение опыта; бедность опыта; префигуративная культура.

INNOVATION AND DESTRUCTION OF EXPERIENCE IN PREFIGURATIVE CULTURE

T. V. ZAIDAL^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article examines the problem of impoverishment (destruction) of experience, specific for modernity, its connection with the growing rate of change in living conditions and the obsolescence of cultural elements. The destruction of experience as an adult mask suggests the birth of new experiences provided by technology and communication systems. Mechanisms of innovation and repetition act as a compensatory, defensive response to uncertainty. The destruction of experience, as well as the infantilism of the mass urbanised culture, striving to continue the childhood experience of repetition in adulthood, largely ensured the emergence of a prefigurative type of culture.

Keywords: experience; repetition; innovation; destruction of experience; poverty of experience; prefigurative culture.

Образец цитирования:

Зайдаль ТВ. Инновация и разрушение опыта в префигуративной культуре. *Человек в социокультурном измерении*. 2022;1:10–15.

For citation:

Zaidal TV. Innovation and destruction of experience in prefigurative culture. *Human in the Socio-Cultural Dimension*. 2022;1:10–15. Russian.

Автор:

Татьяна Викторовна Зайдаль – старший преподаватель кафедры культурологии факультета социокультурных коммуникаций.

Author:

Tatiana V. Zaidal, senior lecturer at the department of cultural studies, faculty of social and cultural communications. gghoyden@gmail.com

Ощутимая ненадежность человеческого опыта, вызванная жестоким ускорением процесса исторических перемен, привела к тому, что каждый остро чувствующий современный ум ощущает некую своеобразную дурноту, интеллектуальное головокружение.

С. Сонтаг. Антрополог как герой

Введение

Понятие «разрушение опыта» связано с вопросами передачи социокультурного опыта в префигуративной культуре (М. Мид). В отличие от постфигуративной культуры, где воспроизводится привычный, все еще дающий ответы на вопросы уклад жизни (так как результат будущей передачи опыта всегда перед глазами), человеку префигуративной культуры приходится принимать решения в условиях неопределенности. Представители старшего поколения и даже сверстники не могут подсказать ему, что делать, ибо этот мир и им более незнаком. Интуиция и креативность молодежи становятся ценнее, чем опыт взрослых. Современный мир, пребывая в постоянном движении, не дает возможности сформировать привычку, увидеть подобие. Человек оказывается в ситуации быстроменяющихся структур повседневности, поведенческих образцов, ценностных ориентаций, разрастания языковых игр. Механизм традиции, благодаря которому структурируется опыт социокультурной идентификации, устаревает.

Важность и актуальность данной проблематики в исследованиях культуры прослеживаются на различных уровнях следующим образом:

- уровень индивидов – важность и актуальность касаются адаптации к изменениям в образе жизни, конкуренции с искусственным интеллектом и роботами на рынке труда, проблем социализации и культурной идентификации, психического здоровья людей;
- уровень отдельных культур – масса инноваций, неравномерное развитие социокультурных элементов, отставание социального развития от технологического создают угрозу для сохранения паттерна культуры, ее идентичности;
- уровень межкультурного взаимодействия – быстрые изменения формируют точки напряжения и могут привести к межкультурным конфликтам и противоречиям, а также к усилению традиционализма и религиозного фундаментализма.

Цели статьи – выявить связи между разрушением жизненно значимого опыта (как пережитого условия достижения зрелости) и формированием префигуративного типа культуры, а также определить роль механизмов инновации и повторения для современной культуры.

Теоретические основы

По определению К. Баркера, идея опыта несколько парадоксально проявляется в культурных исследованиях: «С одной стороны, это понятие имеет решающее значение для понимания культуры с точки зрения жизненно значимого опыта. С другой стороны, невозможно понять опыт или испытать значимый опыт без структурирующей работы языка. Таким образом, кажется, что опыт исчезает как конкретная категория в категориях дискурса и языка»¹ [1, р. 65].

Для Р. Уильямса, который понимал культуру как «особый целостный образ жизни» опыт был особенно важен. Британский теоретик подчеркивал, что культура состоит не только из смыслов, текстов, практик, но и из жизненных опытов ее участников. Цели культурной оценки – изучить и анализировать записанные наблюдения конкретного времени и места, чтобы воссоздать опыт и «структуру чувств» культуры.

Опыт также является важной категорией феминистских исследований. Феминизм конструирует особый женский опыт, в значительной степени, посредством языка. Дискурс конструирует опыт, потому что только через речь мы можем познать этот опыт или понять его как значимый: «У нас есть не столько опыт, сколько дискурс опыта и беседы о нем» [1, р. 66].

В. У. Тёрнер в 1982 г. ввел понятие «антропология опыта». Ученый вдохновлялся идеями немецкого мыслителя В. Дильтея и его концепцией опыта как пережитого (*Erlebnis*). В 1986 г. после смерти В. У. Тёрнера вышел сборник эссе нескольких авторов-последователей, объединенный одной темой (*The Anthropology of Experience*). В нем Э. М. Брунер отмечал, что жизненный опыт, как мысль и желание, как слово и образ, является первичной реальностью, а антропология опыта имеет дело с тем, «...как люди на самом деле переживают свою культуру, то есть как события воспринимаются сознанием. Под опытом понимаются не только чувственные данные, познание или, по выражению В. Дильтея,

¹Здесь и далее перевод наш. – Т. З.

“разбавленный сок разума”, но также чувства и ожидания. Как отмечает Фернандес, опыт приходит к людям не только на словах, но и в образах и впечатлениях» [2, р. 4–5].

Э. М. Брунер делает вывод, что опыт строится культурно, а понимание предполагает опыт. Однако трудность состоит в том, что мы можем пережить только нашу собственную жизнь, т. е. то, что воспринимается нашим собственным сознанием. Мы никогда не сможем полностью узнать чужой опыт. Личный опыт в культуре проходит социальную типизацию и универсализацию.

Результаты и их обсуждение

Источники разрушения опыта. Маркерами культурного опыта начала XX в. называют неопределенность, сомнение, риск и постоянные изменения. Это опыт городского жителя, чья культура уже затронута индустриализацией и массовым производством.

Первым, кто противопоставил формы современного (городского) опыта и традиционного (сельского) опыта, был Г. Зиммель. В эссе «Большие города и духовная жизнь» (1903) он утверждал, что современная жизнь характеризуется преобладанием объективной культуры над субъективной культурой личности. Немецкий социолог обратил внимание на притупленность восприятия городского жителя, неспособность реагировать на новые раздражения. По мере того как современная культура становится более сложной и развитой (в значительной степени в результате специализации), человек не способен идентифицировать себя с такой культурой и ее законами, языком, методами производства, наукой и искусством и все более отстает от этого. Быстрые темпы развития объективной культуры в больших городах приводят к увяданию целостной личности.

В 1912–1913 гг. В. Беньямин посещал лекции Г. Зиммеля в Берлинском университете им. Гумбольдта. В то время он разрабатывал теорию разных режимов опыта Г. Зиммеля и в своих ранних работах (*The Metaphysics of Youth; The Life of Students*) писал о молодежи как о стоящей в центре всего нового. Опыт он называл «маской взрослого». Старшее поколение все уже испытало, а теперь пытается преподавать или передать то, что узнало (*erfahren*) в процессе взаимодействия с внешним миром (*Erfahrung*), как традицию. Это горький и консервативный опыт взрослых, которые уже не стремятся ничего изменить. Перед авторитарной консервативной традицией *Erfahrung* необходимая сила разрушения представлена варварским восстанием молодежи и витализмом *Erlebnis*. Традиция у В. Беньямина лишь один из множества вариантов организации опыта в пространстве и времени. Ее разрушение открывает возможность для появления не одного, а целого ряда преемников.

Для В. Беньямина технология (продукт объективной культуры Г. Зиммеля) отделилась от субъективной культуры и волевой деятельности людей с рядом последствий. Любые возражения, будь то формы социальной организации или моральное оправдание войны, не имеют значения. Это победа объективной культуры как технологии.

В работе «Оскудение опыта» (1933) В. Беньямин рассуждает о новом, послевоенном состоянии человека, который уже не может опираться на свой опыт: «Опыт упал в цене и это касается поколения, которое в 1914–1918 годах прошло одно из страшнейших испытаний мировой истории. Возможно, это не так странно, как кому-то покажется. Разве не заметили мы тогда, что люди пришли с фронта онемевшими? Не обогатившимися, а обедневшими по части опыта, который можно передать другим? И то, что десять лет спустя полилось потоком книг о войне, совсем не было тем опытом, который один человек может поведать другому. Но не стоит этому удивляться. Никогда еще опыт не был так уличен во лжи, стратегический – позиционной войной, экономический – инфляцией, телесный – голодом, нравственный – властями. Поколение, которое еще ездило в школу на конке, оказалось под открытым небом в краю, где неизменными остались разве что облака, а посреди всего, в энергетическом сплетении разрушительных токов и взрывов, крошечное и незащищенное человеческое тело» [3].

В. Беньямин писал, что человечество готовится пережить, если придется, культуру, ведь обеднение опыта не стоит понимать как жажду нового опыта. Наоборот, люди хотят избавиться от опыта, желают такой среды обитания, где трудно оставить следы, потому что они пресыщены и утомлены культурой и человеческим существом. А за усталостью, как известно, следует сон, в котором видятся фантазии массовой культуры, новая архитектура из стекла и стали, примитивизм и комфорт, что так не хватает людям: «Мы оскудели. Часть за частью мы расстаемся с наследием человечества, нередко оставляя очередное за сотую долю стоимости в ломбарде, чтобы получить взамен мелкую монету “актуального”» [3].

Немецкие философы Г. Люббе и О. Марквард, развивая идеи Р. Козеллека, писали об историческом сознании модерна и ускоренном устаревании опыта.

Крупнейший теоретик истории Р. Козеллек в работе «Прошедшее будущее: к семантике исторического времени» (1979) пишет, что «опыт – это настоящее прошлого, события которого были в него включены и могут быть запомнены» [4, р. 272]. Рациональная переработка прошлого соседствует с бессознательными режимами поведения в опыте. Опыт нельзя хронологически классифицировать, потому что он собран в единое целое, в котором сразу присутствуют многие слои более ранних времен, но можно датировать его по случаям, поскольку в любой момент он состоит из того, что можно вспомнить с помощью нашей памяти и знания жизней других людей. В опыте, передаваемом поколениями и институтами, всегда содержится и сохраняется элемент чужого опыта. В этом смысле история с незапамятных времен понималась как «знание о чужом опыте». Р. Козеллек определял временную структуру модерна через асимметрию опыта и ожиданий: «Чем меньше опыт, тем больше ожидание – это формула временной структуры модерна в той степени, в какой она превращается в концепцию с помощью “прогресса”. Это было правдоподобно до тех пор, пока весь предыдущий опыт не соответствовал ожиданиям, вытекающим из процесса технологического реформирования мира» [4, р. 288].

Г. Люббе установил, что в цивилизационной динамике модерна среди прочего появляется такая характеристика, как сокращение настоящего, т. е. сжатие периода постоянства жизненных условий в качестве следствия ускорения темпов культурных и социальных инноваций. Для Г. Люббе настоящее – это промежуток времени, в течение которого (если использовать теорию Р. Козеллека) совпадают горизонты опыта и ожидания. Только в пределах этих временных промежутков относительной стабильности можно опираться на прежний опыт, чтобы делать выводы из прошлого относительно будущего и как-то ориентировать действия. В такие промежутки времени появляется некоторая уверенность в ориентации, оценке и ожидании. Другими словами, социальное ускорение обусловлено увеличением темпов снижения надежности переживаний и ожиданий и сокращением временных интервалов, которые можно обозначить как настоящее.

На смену общепринятому сознанию, где традиции остаются значимыми и опыт, накопленный и передаваемый от поколения к поколению, не отвергается, а, наоборот, год за годом подтверждается, приходит историческое сознание: «Оно [историческое сознание] включает опыт устаревания традиций, да и вообще возникает лишь благодаря такому опыту. Исторический опыт есть опыт направленного изменения жизненных условий в результате новшеств, оборотной стороной которых оказываются процессы старения» [5, с. 204]. Современность нашего опыта уже не в постоянно сохраняющейся его значимости, а в сжимающейся новизне культуры (растущей скорости инноваций и одновременно скорости устаревания элементов культуры).

О. Марквард назвал ускоренное устаревание опыта в числе причин, вызывающих исчезновение взрослости: «...в нашем жизненном мире все реже повторяются те ситуации, в которых и для которых мы этот опыт приобретали. По этой причине, вместо того чтобы по мере постоянного роста опыта и познания мира становиться самостоятельными, т. е. взрослеть, мы постоянно и все быстрее вновь откатываемся к состоянию, для которого мир в большинстве своих проявлений неизвестен, нов, чужд и непонятен, а это и есть положение детей. Опыт – это единственное средство против чуждости миру, но теперь оно больше не действует... <...> Люди больше не взрослеют» [6].

Постмодернистский опыт. Для В. Беньямина обеднение опыта было характерной чертой современности, возникшей в результате последствий Первой мировой войны. По мнению Дж. Агамбена (итальянского философа и редактора полного собрания сочинений В. Беньямина), уничтожение опыта больше не приводит к катастрофе: «Для современного человека обычный день не содержит практически ничего, что по-прежнему может быть переведено в опыт. Именно эта непереводаемость в опыт в настоящем обусловила невыносимое повседневное существование как никогда прежде, более чем предполагаемое низкое качество жизни или ее бессмысленность по сравнению с прошлой жизнью (напротив, возможно, повседневное существование никогда не было так насыщено значимыми событиями)» [7, р. 13].

В эссе «Детство и история деструкции опыта» (*Infancy and History: the Destruction of Experience*, 1978) Дж. Агамбен отмечает, что лишь в XIX в. находят литературные свидетельства этого угнетения банальной повседневностью, которое веком ранее просто не имело бы смысла именно потому, что повседневное, а не необычное составляло опыт, передаваемый следующему поколению.

Экспроприация опыта, по мнению Дж. Агамбена, имплицитно коренится в проекте современной науки, которая берет свое начало из беспрецедентного недоверия к опыту в его традиционном понимании. Ф. Бэкон определял его как «лес» и «лабиринт», который необходимо привести в порядок. М. де Монтень считает, что опыт несовместим с достоверностью и как только он становится измеримым и достоверным, то немедленно теряет свой авторитет. Таким образом, нужно признать, что опыт больше недоступен людям, ведь «никто сейчас не обладает достаточным авторитетом, чтобы гарантировать истинность опыта» [7, р. 14].

Целью опыта было продвижение человека к зрелости, т. е. предвкушение смерти как идеи достигнутой совокупности опыта. Однако вместо этого был использован опыт науки, «которая не может достичь зрелости, а может только увеличить свое собственное знание» [7, р. 23]. Людям же достался бесконечный процесс познания.

Прошлого опыта, который можно было пережить или приобрести, по мнению Дж. Агамбена, больше не существует. Произошел разрыв: «Дон Кихот, старый субъект знания, одурачен заклинанием и может только переживать опыт, никогда не приобретая его. Рядом с ним Санчо Панса, старый экспериментатор, приобретает опыт, никогда не переживая его» [7, р. 24]. Таким образом, Дж. Агамбен считает, что опыт теперь не доступен как целостность, он не бывает полным, кроме как в бесконечном приближении к общему социальному процессу.

К. Харт, написавший популярное введение в постмодернизм для новичков (*Postmodernism: a Beginner's Guide*, 2004), посвятил третью главу своей книги постмодернистскому опыту. В работе он задает такие вопросы: «Предлагает ли постмодерн новое понимание опыта? Изменился ли характер самого опыта?» – и отвечает на них положительно. Философы модерна, по мнению К. Харта, всячески пытались показать следующее: взаимодействие субъекта и объекта генерирует то, что мы именуем опытом. Постмодернисты пересматривают модернистскую концепцию субъекта, который децентрирован (это всего лишь место, из которого исходит голос) либо сформирован игрой желаний или подчинением законам различных институтов общества. И если постмодернисты правы, переосмыслению должна быть подвергнута и ставшая привычной идея опыта: «Если опыт изменился, по-видимому, трансформировалось и знание в своем содержании, в том, как мы его воспринимаем, либо в том, как мы организуем элементы, которые считаем знанием» [8, с. 81].

Опираясь на идеи французских мыслителей (М. Бланшо, Ж. Бодрийяр), автор также делает вывод, что жизнь – арена повторений: «Никто из нас не располагает опытом повседневности, так как подобная жизнь протекает без ее переживания. Наша повседневная жизнь – езда по хайвею, обеды, заполнение бланков, встреча детей после школы, приготовление пищи, просмотр фильмов – это не столько опыт, сколько отсутствие опыта. В повседневной жизни, как говорит нам М. Бланшо, нет ни истины, ни лжи; ни субъекта ни объекта; ни начала, ни конца. Мы имеем дело с Внешним (М. Бланшо). Второй урок, тесно связанный с первым, состоит в том, что люди эпохи постмодерна переживают реальное как образ» [8, с. 93].

Переживание реальности как образа многие постмодернисты именуют гиперреальностью. К. Харт отмечает, что, будучи поглощенным образом, человечество пребывает в состоянии абсолютной пассивности, счастливой растворенности в них, лишенных всякого практического применения, риска и опасности. Люди смотрят на мир как зрители, наслаждаясь или поражаясь разворачивающимися перед их глазами событиями, но никак не располагают опытом.

Об инфантильности городского опыта, переносе детского опыта повторения во взрослый мир писал П. Вирно. Именно детство, как онтогенетическая сущность любой адаптации к последующим ударам окружающего мира, вырабатывает защитную стратегию по отношению к потрясениям, которые вызываются новым и неожиданным. Ребенок защищается с помощью повторения (та же сказка, та же игра, тот же жест). П. Вирно соглашается с Г. Зиммелем, В. Беньямином и другими авторами, что проблема современности состоит в следующем: детский опыт теперь продолжается и во взрослом возрасте, переходит на поведение, преобладающее внутри больших городов. Итальянский философ считает, что повторение представляет основную форму защиты в эпоху множества, в которую недостает твердых привычек, традиционных сообществ, этоса: «В традиционных обществах (или, если на то пошло, в опыте “народа”) милое ребенку повторение уступило место более артикулированным и сложным формам защиты, а именно этосу, то есть нравам, обычаям и привычкам, составляющим основу устойчивых сообществ. Сейчас, в эпоху множества, эта замена больше невозможна. Повторение, которое уже нечем заменить, преобладает. <...> В технической воспроизводимости возрождается усиленное детское требование “еще одного раза” или, точнее, вновь возникает необходимость повторного действия в качестве защиты. Публичность мышления, явность “общих мест”, General Intellect проявляются в том числе и как успокаивающее повторение. Действительно, в современном множестве есть нечто инфантильное, но это нечто невероятно серьезно» [9, с. 28].

По мнению П. Вирно, инновация (технологическая, эмоциональная, этическая) разрушает традиционное общество, в котором преобладали повторяющиеся обычаи [9, с. 106]. Новые модели поведения вырабатываются «на тренировочной площадке упомянутых В. Беньямином городских “шоков”, на фоне разрастания языковых игр, бесконечного изменения правил и техник» [9, с. 105]. Это привычка не иметь привычек, натренированность жить в условиях необеспеченной занятости (*precarietà*) и постоянных перемен – неуверенности ожидания, случайности местоположения, хрупкой идентичности, постоянно меняющихся ценностей.

Заключение

Появление больших городов и столкновение поколений с реальностью Первой и Второй мировых войн обусловили разрушение, оскудение опыта, основанного на авторитетах, как традиции. Опыт в качестве маски взрослого, который можно испытать, пережить и накопить, достигнув мудрости, перестал существовать. Недоверие к опыту в науке (принцип воспроизводимости); техническая воспроизводимость, изменившая восприятие искусства; рекурсивность, лежащая в основе технологии; стереотипность, шаблонность массовой культуры привели к тому, что повторение стало защитной реакцией на неопределенность, всевозрастающее количество раздражителей, потрясения, вызванные новым. Эти замещающие традицию практики (именно путем повторения набора практик ритуального или символического характера традиция создает преемственность с прошлым, по определению Э. Хобсбаума) проявляют «инфантильность урбанизированной культуры», стремящейся продолжить детский опыт повторения и во взрослом возрасте.

Реакция на обеднение, разрушение опыта как традиции или их компенсация предлагают рождение нового опыта, обеспечиваемого технологиями (делегирующие производство знания и принятия решений машинам, виртуализация реальности, доступность опыта в виде погружения в сон и готовность предаваться иллюзиям посредством кино, телевидения, интернета).

В ситуации отставания социального от технологического, глобального роста и доступности знания инновация, как переоценка, аранжировка ценностей, выступает одной из форм выживаемости культуры. Для ее понимания не требуется наследование всей совокупности социокультурного опыта, накопленного данной общностью. «Новое ново по отношению к старому, к традиции. Поэтому для понимания нового не требуется указания на нечто скрытое, сущностное, истинное» [10, с. 14].

Таким образом, разрушение, или обеднение, опыта и взаимосвязанные с ним процессы становятся факторами, сформировавшими саму возможность появления рефигуративной культуры.

Библиографические ссылки

1. Barker C. *The SAGE dictionary of cultural studies*. Newbury Park: SAGE Publications; 2004. 240 p.
2. Turner VW, Bruner EM, editors. *The anthropology of experience*. Urbana: University of Illinois Press; 1986. 391 p.
3. Вальтер Беньямин. Оскудение опыта [Интернет]. *Сигма* [прочитано 20 ноября 2021 г.]. Доступно по: <https://sygma/@sygma/valtier-bieniamin-oskudnieniie-opyta>.
4. Koselleck R. *Futures past: on the semantics of historical time*. Trib K, translator. Cambridge: MIT Press; 1985. 279 p.
5. Люббе Г. *В ногу со временем. Сокращенное пребывание в настоящем*. Григорьев АБ, Куренной ВА, переводчики. Москва: НИУ ВШЭ; 2016. 456 с.
6. Марквард О. Эпоха чуждости миру? [Интернет]. Либман Е, переводчик. *Отечественные записки*. 2003 [прочитано 20 ноября 2021 г.]; 6. Доступно по: <https://strana-oz.ru/2003/6/epoha-chuzhdosti-miru>.
7. Agamben G. *Infancy and history. On the destruction of experience*. Heron L, translator. London: Verso; 1993. 150 p.
8. Харт К. *Постмодернизм*. Ткаченко К, переводчик. Москва: ФАИР-ПРЕСС; 2006. 272 с.
9. Вирно П. *Грамматика множества: к анализу форм современной жизни*. Петрова АГ, переводчик. Москва: Ад Маргинем Пресс; 2015. 144 с.
10. Гройс Б. *О новом. Опыт экономики культуры*. Москва: Ад Маргинем Пресс; 2015. 240 с.

References

1. Barker C. *The SAGE dictionary of cultural studies*. Newbury Park: SAGE Publications; 2004. 240 p.
2. Turner VW, Bruner EM, editors. *The anthropology of experience*. Urbana: University of Illinois Press; 1986. 391 p.
3. Walter Benjamin. The impoverishment of experience [Internet]. *Sigma* [cited 2021 November 20]. Available from: <https://sygma/@sygma/valtier-bieniamin-oskudnieniie-opyta>. Russian.
4. Koselleck R. *Futures past: on the semantics of historical time*. Trib K, translator. Cambridge: MIT Press; 1985. 279 p.
5. Lübbe H. *V nogu so vremenem. Sokrashchennoe prebyvanie v nastoyashchem* [In step with time: the abridged presence in the present]. Moscow: Higher School of Economics; 2016. 456 p. Russian.
6. Marquard O. The era of foreignness to the world? [Internet]. Libman E, translator. *Otechestvennye zapiski*. 2003 [cited 2021 November 20]; 6. Available from: <https://strana-oz.ru/2003/6/epoha-chuzhdosti-miru>. Russian.
7. Agamben G. *Infancy and history. On the destruction of experience*. Heron L, translator. London: Verso; 1993. 150 p.
8. Hart K. *Postmodernizm* [Postmodernism]. Tkachenko K, translator. Moscow: FAIR-PRESS; 2006. 272 p. Russian.
9. Virno P. *Grammatika mnozhestva: k analizu form sovremennoi zhizni* [Grammar of the multitude. For an analysis of contemporary forms of life]. Petrova AG, editor. Moscow: Ad Marginem Press; 2015. 144 p. Russian.
10. Groys B. *O novom. Opyt ekonomiki kul'tury* [On the new. An attempt at cultural economy]. Moscow: Ad Marginem Press; 2015. 240 p. Russian.

Статья поступила в редакцию 21.12.2021.
Received by the editorial board 21.12.2021